

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

PHILOSOPHICAL SCIENCES

УДК-123: 159.947.23

Глечян Эдуард Русланович

кандидат философских наук,
преподаватель НЧОУ ВО
«Армавирский лингвистический
социальный институт» (г. Армавир)

Glechyayn Eduard Ruslanovich

Candidate of Philosophical Sciences,
Teacher, Armavir Linguistic Social
Institute (Armavir)

Омельченко Сергей Владимирович

аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский
государственный педагогический
университет» (г. Армавир)

Omelchenko Sergey Vladimirovich

post-graduate student, Armavir State
Pedagogical University (Armavir)

**СВОБОДА И
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК
ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ**

**FREEDOM AND RESPONSIBILITY
AS FACTORS OF THE
FORMATION OF LEGAL
CULTURE**

Аннотация:

Проблема свободы и ответственности в российском обществе на сегодняшний день является актуальной. Свобода и ответственность – это два важнейших фактора, формирующих уровень правовой культуры. Проблема изучения правовой культуры является междисциплинарной и лежит на стыке различных наук, таких как философия (антропологическая и социальная), правоведение, культурология, психология. Уровень свободы и чувство ответственности отражается в творческом проявлении правовой культуры личности. Следовательно, маркером уровня правовой культуры выступает

Abstract:

The problem of freedom and responsibility in Russian society is relevant nowadays. Freedom and responsibility are two of the most important factors shaping the level of legal culture. The problem of studying legal culture is interdisciplinary, and lies at the junction of various sciences such as philosophy (anthropological and social), jurisprudence, cultural studies, and psychology. The level of freedom and a sense of responsibility are reflected in the creative manifestation of legal culture of the individual. Therefore, a person is a marker of the level of legal culture. Meanwhile, a person should understand that freedom and responsibility are two components that are complementary for the formation

личность. Между тем, «свобода» и «ответственность» – это два взаимодополняющих компонента для формирования уровня правовой культуры. В контексте правовой культуры «свобода» без «ответственности» никак не может существовать. Таким образом, в настоящем исследовании мы пытаемся теоретически осмыслить синтез понятий «свобода» и «ответственность», соотнести эти понятия с моралью и автономией личности, выявить предпосылки формирования правовой культуры и автономности сознания российского человека.

Ключевые слова:

свобода, ответственность, автономия, личность, право.

of legal culture. In the context of legal culture, freedom cannot exist without responsibility in any way. Thus, in this study, we make an attempt to theoretically comprehend the synthesis of the concepts of freedom and responsibility, to correlate these concepts with the morality and autonomy of the individual, to identify the prerequisites for the formation of legal culture and autonomy of Russian person's consciousness.

Keywords:

freedom, responsibility, autonomy, personality, law.

С одной стороны понятие «свобода» и «автономия личности» по смыслу тождественны, но с другой стороны – «автономия» имеет более широкое понимание. Слово «автономия» иностранного происхождения (греческое). Теодор Адорно истолковал это слово так: *autos* – это «Я», т. е. субъект, а *nomos* – «закон». В целом у Адорно получается, что автономия – это субъект, свободно дающий себе закон [1, с. 138–139]. Очевидно, Адорно следует за кантовской традицией автономии. Личностная автономия – это величайшая культурная и религиозная ценность, выработанная историей в «осевое время» [19].

Кант в своих трудах отмечал, что если есть свобода, то значит и есть автономия, а если автономии не существует, то и нет свободы. Но если нет свободы, то тогда и нет человека, его нравственности, его разума, а есть только вещи среди вещей. Вся история философии служит доказательством свободы человека, его творческой сущности, ответственности. Понятие автономии включает в себя такие компоненты как творчество, свобода, ответственность. Этой системе мировоззрения противостоит лишь теория

материализма, которая превращает человека из духовной сущности в материальную вещь. Следует согласиться с Кантом, что надо не доказывать свободу как факт, её надо защищать и укреплять. Если кто-то считает, что он несвободен, то, наверное, в каком-то отношении он и есть несвободный человек или не хочет быть свободным, по словам Э. Фромма, он «бежит от свободы» из-за страха ответственности, одновременно теряя право на творчество [16].

Суть автономии, по Тиллиху, в принятии структур и законов реальности в сознании человека, в законах и структурах его разума. Автономия, – пишет он, – означает повиновение разуму, т. е. «логосу», имманентному реальности и сознанию. Автономия действует как в теоретической, так и в практической сфере культуры. Она заменяет мистическую природу рациональной природой, на место мифических событий ставит события исторические, а на место магического чувства единства технический контроль. Она основывает общности на целесообразности, мораль – на индивидуальном совершенствовании. Она все анализирует с тем, чтобы произвести рациональный синтез. Она делает религию делом личного решения, а внутреннюю жизнь индивидуума зависящей от себя самой. Она осуществляет возможности автономной политической и экономической деятельности» [15, с. 227–228].

Тиллих достаточно реалистически и объективно оценивает диалектическую взаимосвязь автономии и теонии, противопоставляя их обе гетеронии. Семантический код культуры фиксируется Тиллихом в терминах различия между автономией и теонией: «в автономной культуре культурные формы проявляются лишь в своих конечных взаимоотношениях, тогда как в теонии культуры – в отношении к безусловному» [15, с. 229].

Гуманистический пафос теологии культуры Тиллиха, по С.Г. Ляпшину, состоит в том, что он решительно выступает за автономию и против гетеронии. Гетерония «посягает на творческую свободу и гуманность человека. Ее символом является «террор», осуществляемый абсолютными церквями или абсолютными государствами. Сама религия, когда она начинает действовать гетерономно, перестает, по мнению Тиллиха, быть субстанцией культуры. Таким образом, он решительно противопоставляет историческую церковь и теонию, сама теония становится диалектическим моментом

автономии, и наоборот, автономия выступает как динамическая форма культуры и принцип истории [8, с. 20].

Важным понятием в данном контексте является также понятие «аномия». Оно введено Э. Дюркгеймом и используется в работах «О разделении общественного труда» и «Самоубийство» [6; 7]. Номинально означает «беззаконие». Это понятие социологии означает разрушение социальных норм, предписаний и запретов. Данный теоретический конструкт служит для объяснения отклоняющегося поведения (самоубийство, апатия и разочарование). Аномия выражает процесс разрушения основных элементов культуры, например, правовых и этических норм. В ситуации резкой смены социальных идеалов, законом и нравственных норм определенные общественные группы теряют чувство своей зависимости от данного общества, они отчуждаются от общества, новые нормы и ценности не принимаются членами данных групп. Вместо социально приемлемых средств достижения целей применяются собственные (нелегитимные или противоправные) средства. Явление аномии противоположно как автономии, так и гетеронмии. Особенно сильно проявляется аномия среди молодежи. Детально исследовал это понятие (аномия) в социологии Р. Мертон, а в контексте гуманистической философии широко применял Л. Сэв [9; 24].

Ощутимый вклад в развитие теории автономии индивидуальности внесли С.Л. Рубинштейн [13, с. 176–177], В.С. Мерлин и другие [10]. Так, «С.Л. Рубинштейн развивает принцип диалектического детерминизма, который утверждает совместимость свободы и необходимости, творчества и ответственности. Речь у него идет не только о том, что внешние причины преломляются (в сложных органических системах) через внутренние условия системы, но и о том, что обратное воздействие на внешний мир человек оказывает через эти внутренние условия (субъективность, личностные смыслы и ценности). В.С. Мерлин разработал оригинальную концепцию интегральной индивидуальности, которая трактует индивидуальность системно» [12, с. 106–107].

И все же сознание и мышление не может быть автономным, если в бессознательных внутренних глубинах духовного мира человека имеются причины, мешающие ему оценивать действительность и действовать верно.

Причины могут быть множественные, таящиеся в психопатологии, безграмотности, невоспитанности, во всем том, что Ф. Бэкон называл «идолами пещеры» [3, с. 18–33]. Все эти причины воспрепятствуют формированию субъектной и предметной модальности. Понятие субъектной и предметной модальности дает С.Г. Ляпшин. Субъектная модальность, – по С.Г. Ляпшину, – это «способность субъекта идеально воспроизводить себя, восстанавливать свои цели, ценности, потребности, которые всегда фиксированы, записаны в сознании, в культуре. Через субъектную модальность может рассматриваться вся реальность, любой ее элемент, но в ракурсе потребностей, целей, ценностей субъекта» [8, с. 18]. Предметную модальность С.Г. Ляпшин характеризует, как «способность субъекта воспроизводить объективное содержание реальности, выступающее как объективное знание, как предметное содержание воспроизводства. Предметная модальность – результат освоения субъектом внекультурной реальности, превращение ее в содержание сознания и деятельности. Тем самым субъект приобретает способность воспроизводить саму реальность, выступающую как условие, средство, как среда, как природные и социальные процессы, социальные отношения. Через предметную реальность можно рассматривать мир в целом, все его явления, но взятые в ракурсе объекта» [8, с. 18]. Автономное сознание еще связано с самообладанием и самопознанием. Самообладанием индивид должен освободить свой духовный мир от засилья гетерономных факторов, обогатить душу духовным созерцанием, а главное при этом осознавать необходимость установления устойчивого гармоничного отношения с обществом [18]. Автономия как высшая степень самостоятельности, абсолютная по своим основаниям самостоятельность, предполагает еще много свойств и качеств, которые обозначаются словами, начинающимися с приставки «само-» [4, с. 37].

Аксиология права в контексте автономности правового сознания заключается в том, что социальные субъекты право должны рассматривать в призме наиболее важной жизненной, политической и социальной ценности. Субъекты права на автономном уровне должны преференцировать (предпочитать) право относительно бесправия, незаконности. В противном случае, проявление правового нигилизма может отразиться на субъектах отрицательным образом.

Само по себе право имеет двойственное толкование: право естественное и право позитивное. Сторонники каждой разновидности права преувеличивают важность роли своего направления, но, тем не менее, оба вида права по своим содержаниям являются аксиологическими, поскольку позитивное право регулирует общественные отношения, а естественное право, – это право морали, или как говорил Н.Н. Алексеев «закон нравственный». Различая два вида права, Н.Н. Алексеев писал: «нормы права в отличие от норм нравственных, обладают всеобщим, неиндивидуальным, шаблонным характером. Закон права – один для всех, все должны ограничивать свою свободу одинаковым, точно определенным образом. Он есть закон свободы, но не отдельного лица, а свободы всех и обращен ко всем; напротив, закон нравственный обращен ко мне одному, он есть индивидуальная заповедь для отдельного индивидуума, обращение к непосредственному сознанию каждого» [2, с. 50].

Наиболее известным из современных сторонников естественного права является американский философ Рональд Дворкин, автор многих книг, например, «Принимая права всерьез», «Империя права» и др. [20; 21; 22; 23]. Чтобы обосновать свою критику позитивного права, Р. Дворкин предложил рассмотреть два парадоксальных судебных дела. Первое из этих двух – «Риггс против Палмера» (в 1889 г.). Элмер Палмер (16-летний юноша) убил деда из-за опасения, что тот изменит свое завещание, в соответствии с которым все деньги и имущество отходили внуку (старый человек задумал жениться). Элмер отбыл длительный срок за убийство, и после этого формально ничто не помешало ему претендовать на получение наследства. Вопрос о наследстве решал суд. Возник вопрос: законно ли это получение желанного наследства?

Хотя суд и признал, что все существующие законы о завещаниях (все правила) на стороне истца Э. Палмера, однако суд не пошел по формальному пути и ничего не присудил внуку. Пришлось изменить правило и сформулировать его таким образом: «Действие всех законов, так же как и контрактов, может контролироваться общими, фундаментальными максимами (принципами) обычного права. Никому не должно быть позволено выиграть от собственного мошенничества, получить выгоду от собственного преступления, основывать

какие-либо требования на собственной несправедливости или приобретать собственность посредством преступления» [11, с. 60].

Получается, что в процессе «Риггс против Палмера» как раз имело место совсем не применение закона, а отход от него на основании соображений естественного права.

Другое судебное дело – процесс «Хеннигсен против BlumfieldMotors» (в 1960 г.). Некий Хеннигсен купил у компании автомобиль. При покупке подписал такой договор, по которому при обнаружении дефектов ответственность компании-производителя будет состоять в том, что ему всего лишь заменят негодные части. Действительно, обнаружились такие дефектные части, но Хеннигсен, вдобавок из-за них попал в аварию, получил телесные повреждения. Он потребовал, чтобы виновный производитель автомобиля возместил ему расходы как на лечение, так и иные, связанные с этой аварией расходы, хотя этого и не было в подписанном им договоре.

Закон формально не поддерживал иск Хеннигсена, однако суд был на его стороне. Подчеркивая, что, если речь вовсе не идет о вымогательстве или мошенничестве, то тот, кто может подписать договор, вовсе не читая его, все же не может потом быть освобожденным от его требований (договора), т. е. в принципе закон был на стороне этой фирмы-производителя, но суд все же решил, что важными являются и многие другие факторы, а именно:

- свобода составления контрактов;
- свобода контракта не может быть абсолютной и должна быть ограничена в этой области;
- есть особое обязательство, возникшее в очень сложном и обезличенном обществе, когда производится широко используемое, но сложное, весьма необходимое и опасное устройство (автомобиль);
- есть фундаментальная доктрина, по которой суды не должны разрешать использовать себя как инструмент несправедливости;
- суды обычно не участвуют в реализации «сделки», при которой одна из сторон несправедливо эксплуатирует экономические нужды другой.

В общем, суд решил так: производитель понесет ответственность, даже, несмотря на договор, который эту ответственность ограничивает, поскольку фирма имела бы несправедливое преимущество, если бы многие

покупатели могли покупать совершенно необходимый в Америке предмет (автомобиль), лишь подписав договор, который не дает им вообще реальной компенсации ущерба.

Чем для нас интересны оба этих дела? По Р. Дворкину, именно тем, что судьи не следовали закону, а нарушали его. В деле Палмера, например, решение принималось в противоречии с уже существующими правилами. Причем, эти случаи не служат примерами того, как судьи законодательствуют, того, как они используют данную им власть, взвешивая затраты и выгоды подобно законодательным собраниям. По крайней мере, Р. Дворкин говорит, что нет, поскольку в этих прецедентах судьи совершенно явно опираются на существующие моральные ценности, однако они не могут, подобно законодателям, апеллировать к любым ценностям, а только к ценностям закона и справедливости. Заметьте, что Р. Дворкин указывает на то, что Американские суды могут пойти против закона лишь только в том случае, если эти законы противоречат принципам справедливости.

Прецедентность американского правосудия позволяет в ряде случаев изменять существо права относительно справедливости. Увы, мы не можем говорить о том же про российскую судебную-правовую систему. Реалии судебной практики свидетельствуют о полном отсутствии единообразия правоприменения в судах, в особенности, если пересекаются элитарно-олигархические интересы. Наличие громадной армии бюрократического аппарата, олигархата и многих других субъектов автоматически становятся причиной конфликтов интересов, поскольку каждый бюрократ «продвигает» своих приближенных в систему власти, в бизнес, в суды и надзор. В работах Э. Фромма конфликт интересов интерпретируется как «элитарная охота», когда субъект удовлетворяет лишь потребности в проявлении своей власти с известной долей садизма, характерного для властвующих элит [5, с. 83–85].

В России практически каждый убежден, что нельзя разбогатеть иным путем, кроме как через политическую или судебную власть. В обосновании мы обратимся к солидным источникам, таким как книга Д. Хоффмана «Олигархи: богатство и власть в новой России» [17]. «Инициатором перемен, – пишет Д. Хоффман, – выступало государство, но именно государство не смогло установить господство права. И теперь было бы ужасной ошибкой обвинить

в этом несколько человек, как это произошло во время судебного процесса над Ходорковским. После распада Советского Союза многие ждали скорого наступления золотого века. Эта книга помогает понять, почему все оказалось гораздо сложнее, чем они полагали. Уверен, что олигархическим капитализмом еще не кончается история России. Это лишь неизбежный этап в начале пути к либеральной рыночной системе. Чтобы создать современную экономику, Россия должна освободиться от тяжелого гнета государства и дать индивидуумам возможность добиваться благосостояния» [17, с. 5]. Действительно, вся беда России в том, что в ней никогда не было и нет подлинного права, которое действовало бы в интересах всего общества, а не единиц.

Нужно признать, что стремление и отношение человека к свободе и ответственности основывают не только на правовых предписаниях, но и на морали. Российская мораль полностью опирается на религиозные и какие-то идеологические принципы, что, по нашему мнению тормозит достижения цели под названием свобода. Мы не умоляем суть и смысл религии, но она и не является абсолют морали. Известный чилийский ученый Дарио Салас Соммер писал: «общеизвестная мораль опирается на религиозные и идеологические принципы, и человек воспринимает ее пассивно и автоматически. Это неминуемо ведет его к подавлению инстинктов и импульсов или к деструктивным эмоциям – таким, как чувство вины, если поступки человека противоречат морали. Подавление вредно и нежелательно, потому что со временем в подсознании человека образуется «дьявольский котел», поэтому сублимация инстинктов будет наилучшим решением» [14, с. 13]. Д.С. Соммер акцентирует внимание на эмпатию, т. е. на способность встать на место другого человека и разделить его чувство. По его мнению, одно из самых важных последствий эмпатии – это победа над эгоизмом, который не позволяет нам отделиться от ложного «я». Самый мудрый способ проявлять эмпатию к другим людям, по мнению Д.С. Соммера, заключается, прежде всего, «в клятве верности собственному духу, нашей истинной сущности, и приложений усилий для внутреннего развития, достигая, таким образом, двух целей: индивидуальной эволюции и превращения в завершеного человека, который окажет поддержку обществу с помощью своих высших способностей, приобретенных в результате этого развития» [14, с. 399–401].

Формат написания статьи не позволяет расширять процессы исследования до более позволенных масштабов. Но, тем не менее, резюмируя изложенное нами выше, мы можем сделать выводы, что свобода и ответственность – это первооснова формирования автономности. Автономия сознания в феноменологическом контексте формирует идеальную правовую культуру. Проблема понимания российского человека самой сути понятий «свобода» и «ответственность» состоит во множестве аспектов, к коим мы можем отнести географическую обособленность на территории великой страны, которая делится Востоком и Западом, разнообразием множеств культур и субкультур, различием религиозных форматов, каждый из которых имеет миллионы последователей. Российский человек по сути своей ментальности и стремлению к свободе очень слаб, он терпелив ко всяким притязаниям и ограничениям, в том числе и посредством законов, которые, порой, трудно назвать правовыми. Все это нам свидетельствует как история, так и реальность. Стремление к свободе формирует у человека чувство ответственности, самолюбие, созерцание. Свобода приближает человека к Богу, так как это не сможет сделать ни одна теологическая концепция. «Несвобода», отнюдь, заставляет верить в непонятное чудо, надеясь, что какие-то божества или сверхъестественные силы помогут обрести свободу. Вместо развития чувства ответственности, «несвобода» формирует чувство страха, но страх и ответственность, нужно признать, далеко не тождественные понятия. Стремление к свободе должно основываться, прежде всего, на самом важном моральном постулате: «не делай другому того, чего не хочешь, чтобы делали тебе». Вот только лишь в этом случае человек осознает суть и смысл моральной и императивной ответственности за свои действия. Иными словами, достижение свободы, в том числе и духовной, возможно лишь в гармоничном единстве с людьми и обществом, природой, моралью и законом. При достижении этой гармонии человек будет нести ответственность только перед собой.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адорно Т. В. Проблемы философии морали / Т. В. Адорно. – М. : Республика, 2000. – С. 138–139.
2. Алексеев Н. Н. Общее учение о праве : курс лекций, прочитанных в Таврическом ун-те в 1918/19 г. / Н. Н. Алексеев. – Симферополь : Тип. Е. К. Брешко-Брешковской, 1919. – С. 50.

3. Бэкон Ф. Новый Органон / Ф. Бэкон // Соч. : В 2 т. Т. 2. – М. : Мысль, 1978. – С. 18–33.
4. Глечян Э. Р. Автономность правового сознания социальных субъектов в современном обществе : дис. ... канд. филос. наук / Э. Р. Глечян. – Ставрополь. 2019. – 171 с.
5. Глечян Э. Р. Конфликт интересов: правовые и нравственные аспекты / Э. Р. Глечян // Аспирантский вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2017. – № 7. – 192 с.
6. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм. – М. : Наука, 1991. – 572 с.
7. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / Э. Дюркгейм. – СПб. : Н.П. Карбасников, 1912. – XXXII, 541 с.
8. Ляпшин С. Г. Абсолютная модальность субъективного в духовной культуре / С. Г. Ляпшин // Общественные науки. – 2008. – № 3. – С. 18–20.
9. Мертон Р. Социальная структура и аномия / Р. Мертон // Рубеж (альманах социальных исследований). – 1992. – № 2. – С. 89–105.
10. Мерлин В. С. Психология индивидуальности : избранные психологические труды / В. С. Мерлин ; под ред. Е. А. Климова. – М. : Изд-во Моск. психолого-социального ин-та. – Воронеж : МОДЭК, 2005. – 544 с.
11. Моисеев С. В. Философия права / С. В. Моисеев. – Новосибирск : Изд-во НГУ, 2003. – С. 60.
12. Ромас Т. А. Феномен индивидуальности в культурном контексте диалогической этики и права / Т. А. Ромас // Философия права. – 2014. – № 3. – С. 104–108.
13. Рубинштейн С. А. Бытие и сознание / С. А. Рубинштейн. – М. : Изд-во АН СССР, 1957. – С. 176–177.
14. Соммер Д. С. Мораль XXI века : [пер. с исп.] / Д. С. Соммер. – М. : Кодекс, 2018. – 480 с.
15. Тиллих П. Избранное: Теология культуры / П. Тиллих. – М. : Юрист, 1995. – 479 с.
16. Фромм Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – М. : Прогресс, 1990. – 269 с.
17. Хоффман Д. Олигархи: богатство и власть в новой России / Д. Хоффман. – М. : Астрель, 2009. – 811 с.
18. Юркевич П. Д. Философские произведения. Мир с ближним как условие христианского общежития / П. Д. Юркевич. – М. : Правда, 1989. – С. 355.
19. Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – 2-е изд. – М. : Республика, 1994. – 527 с.

20. Dworkin R. Life's domination. N. -Y.: Alfred A. Knopf Inc., 2002. 273 p.
21. Dworkin R. Law's Empire. Cambridge: Harvard University Press, 1986. 229 p.
22. Dworkin R. Natural Law Revisited // University of Florida Law Review. 1982. P. 165-188.
23. Dworkin R. Taking Rights Seriously. Cambridge: Harvard University Press, 1982/ XV, 295 p.
24. Merton R.K. Social theory and social structure. New York, London: Free press: Collier Macmillan, 1968. 702 p.

REFERENCES

1. Adorno T. V. Problemy filosofi i morali [Problems of the philosophy of morality]. M.: Respublika, 2000, pp. 138-139.
2. Alekseev N.N. Obshcheuchenie o prave: kurs lekciy, pročitannyh v Tavricheskom un-te v 1918/19 g. [General doctrine of law: course of lectures delivered at the Tauride University in 1918/19]. Simferopol: Publishing House of E. K. Breshko-Breshkovskoj, 1919, p. 50.
3. Bekon F. Novyj Organon [New Organon]. Essays. M.: Mysl', 1978, vol. 2, p. 18-33.
4. Glechyan E.R. Avtonomnost' pravovogo soznaniya social'nyh sub"ektiv v sovremennom obshchestve [The autonomy of legal consciousness of social actors in modern society]. Diss. abstract. Stavropol, 2019. 171 p.
5. Glechyan E.R. Konflikt interesov: pravovye i npravstvennye aspekty [Conflict of interest: legal and moral aspects]. Bulletin of Armavir State Pedagogical University. 2017, no. 7, 192 p.
6. Dyurkgejm E. O razdelenii obshchestvennogo truda; Metod sociologii [On the division of social labor; the method of sociology]. M.: Nauka, 1991, 572 p.
7. Dyurkgejm E. Samoubijstvo: Sociol. Etyud [Suicide: Sociol. etude]. SPb.: N.P. Karbasnikov, 1912, XXXII, 541 p.
8. Lyapshin S.G. Absolyutnaya modal'nost' sub"ektivnogo v duhovnoj kul'ture [Absolute modality of the subjective in spiritual culture]. Social Sciences, 2008, no. 3, pp. 18-20.
9. Merton R. Social structure and anomie. Boundary (almanac of social research), 1992, no. 2, pp. 89-105.
10. Merlin V.S. Psihologiya individual'nosti: izbrannye psihologicheskie Trudy [Psychology of personality: selected psychological works]. M.: Publishing House of Moscow Psychological Social Institute; Voronezh: MODEK, 2005. 544 p.
11. Moiseev S. V. Filosofiya prava [Philosophy of law]. Novosibirsk: Publishing House NSU, 2003, p. 60.

12. Romas T.A. Fenomen individual'nosti v kul'turnom kontekste dialogicheskoy etike I prava [The phenomenon of individuality in cultural-dialogical ethics and rights]. Philosophy of law, 2014, no. 3, pp. 104-108.

13. Rubinshtejn S. L. Bytie i soznanie [Being and consciousness]. M.: Publishing House of AS USSR, 1957, pp. 176-177.

14. Sommer D.S. Moral' XXI veka [Morale of the XX century]. M.: Kodeks, 2018, 480 p.

15. Tillih P. Izbrannoe: Teologiya kul'tury [Selected works: Theology of Culture]. M.: YUrist, 1995, 479 p.

16. Fromm E. Begstvo ot svobody [Escape from freedom]. M.: Progress, 1990, 269 p.

17. Hoffman D. Oligarhi: bogatstvo i vlast' v novoy Rossii [Oligarchs: wealth and power in new Russia]. M.: Astrel', 2009, 811 p.

18. Yurkevich P.D. Filosofskie proizvedeniya. Mir s blizhnim kak uslovie hristianskogo obshchezhiya [Philosophical works. Peace with one's neighbor as a condition of a Christian way of living]. M.: Pravda, 1989, pp. 355.

19. Yaspers K. Smysl i naznachenie istorii [The meaning and purpose of history]. M.: Respublika, 1994, 527 p.

20. Dworkin R. Life's domination. NY: Alfred A. Knopf Inc., 2002, 273 p.

21. Dworkin R. Law's Empire. Cambridge: Harvard University Press, 1986, 229 p.

22. Dworkin R. Natural Law Revisited. University of Florida Law Review. 1982, pp. 165-188.

23. Dworkin R. Taking Rights Seriously. Cambridge: Harvard University Press, 1982, XV, 295 p.

24. Merton R.K. Social theory and social structure. New York, London: Free press: Collier Macmillan, 1968, 702 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Глечян Э.Р. Свобода и ответственность как факторы формирования правовой культуры / Э.Р. Глечян, С.В. Омелченко // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2019. – № 4. – С. 28–40.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Glechyay E.R. Freedom and Responsibility as Factors of the Formation of Legal Culture / E.R. Glechyay, S.V. Omelchenko // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2019, No. 4, pp. 28–40. (In Russian).